

Н. А. Чуваев

**Симбиоз и конкуренция: частный кустарь-одиночка
и промысловая кооперация в послевоенной экономике
Алтая (1945–1953 годы)**

Одним из перспективных направлений развития российской экономики видится поддержка среднего и малого бизнеса в сфере услуг и производстве. В этой связи представляет интерес изучение опыта деятельности малых предприятий советского периода. На протяжении десятилетий существования Советского государства частный сектор в экономике рассматривался как враждебный целям социалистического общества, подлежащий ликвидации, а потому находился под налоговым и административным гнѐтом. Более успешно могли осуществлять деятельность промысловые артели – предприятия кооперативной формы собственности, которая рассматривалась как социалистическая. Тем не менее эти два уклада советской экономики сосуществовали и даже взаимодействовали.

Это взаимодействие рассмотрено в работах сибирских исследователей Е. В. Демчик (Барнаул) ¹, А. А. Николаева (Новосибирск) ², поволжских исследователей О. В. Ягова (Самара) ³, И. Н. Балахоновой ⁴ (Нижний Новгород). Названные авторы на материалах 20–30 гг. изучили деятельность так называемых «лжеартелей», которые были попыткой предпринимателя-нэпмана приспособиться к новым условиям плановой экономики, применив для этого разрешѐнную законодательством кооперативную форму собственности.

¹ Демчик Е. В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возникновения к ликвидации. Барнаул, 1998.

² Николаев А. А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 2000.

³ Ягов О. В. Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях НЭПа: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Самара, 2009.

⁴ Балахонова И. Н. Осуществление партийно-государственной политики в промысловой кооперации Горьковской области в 1917–1960 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2009.

Изучая деятельность промысловой кооперации Алтая в послевоенный период, мы находим в источниках знакомые термины двадцатых годов: «лжеартель», «частный предприниматель» и даже «нэпман». Это и привело к постановке следующей исследовательской цели: изучить взаимоотношения частного кустаря-одиночки и системы промысловой кооперации в послевоенной экономике Алтайского края в аспектах взаимодействия и конкуренции. Для её решения поставлены следующие задачи:

выявить совокупность факторов, способствовавших распространению деятельности кустарей-одиночек;

охарактеризовать социально-экономическое положение членов промысловой кооперации и кустарей-одиночек;

выяснить отношение общества к деятельности кустарей-одиночек;

реконструировать формы и методы взаимоотношений частного и промысловой кооперации;

охарактеризовать мотивацию и методы борьбы государственных и кооперативных органов с кустарём-частником в изучаемый период, оценить их результативность.

Территориально исследование охватывает Алтайский край. Хронологические рамки исследования – 1945–1953 гг. Нижняя граница – окончание Великой Отечественной Войны, переход к экономике мирного времени. Верхняя – дата перехода промартелей на новый устав, ужесточивший контроль со стороны государства и вышестоящих кооперативных органов за их созданием и деятельностью.

Источниковой базой исследования послужили материалы периодической печати и неопубликованные документы Центра хранения архивных фондов Алтайского края¹.

В годы Великой Отечественной Войны экономика Алтайского края переживает серьёзные структурные изменения. В край эвакуируется 24 крупных промышленных предприятия из оккупированных врагом территорий, которые стали производить тракторы, сельхозмашины, дизели, котлы, станки, электропечи, боеприпасы. В 1944 г. по сравнению с 1940 г. производство валовой продукции промышленности края вы-

¹ ЦХАФ АК. Ф. Р-880. Управление промысловой кооперации при исполкоме Алтайского краевого совета депутатов трудящихся / Алтайский краевой совет промысловой кооперации. Ф. Р-697. Барнаулский межрайонный многопромысловый кооперативный союз.

росло с 568,4 млн. до 1 139 млн. руб. в неизменных ценах, т. е. почти в два раза. Доля государственной промышленности в общем объёме валовой продукции края поднялась в 1945 г. до 90 % против 60,5 % в 1940 г.¹

В 1941–1945 гг. население г. Чесноковки (нынешний Новоалтайск) выросло в два раза, Рубцовска – на 50 %, Барнаула и Бийска – на 30 %. Удельный вес городского населения края с 17 % в 1940 г. вырос до 28 % в 1954 г. Алтайские города превратились в крупные центры машиностроения. Многократно возросла и денежная масса, получаемая в качестве заработной платы работниками предприятий тяжёлой промышленности².

Напротив, отрасли, не связанные с обороной, выпускавшие мирную продукцию, сократили производство. В целом по Сибири на 43,4 % сократилось производство стройматериалов, почти на треть уменьшилась продукция деревообрабатывающей и пищевкусовой промышленности, на 56 % – лесной. Уменьшилось производство обуви, шерстяных и льняных тканей, чулочно-носочных изделий, животного масла, мяса, колбасных изделий и многого другого³.

Результат был закономерен – с прилавков магазинов и рынков исчезло всё, что только можно было приобрести за деньги. Очень хорошо показал ситуацию на потребительском рынке Бийска в июле 1945 г. корреспондент «Алтайской правды»:

«Попробуйте в магазинах города найти такие изделия местной или кооперативной промышленности, как сковородки, чугуны, тяпки, лопаты, топоры, утюги и другие предметы домашнего обихода. Даже такая мелочь, как примусная иглолка, и та, как заморская диковинка, привозится из других городов или делается кустарями-одиночками и продаётся втридорога. А о таких предметах широкого потребления, как зубная щётка, зубной порошок и детские игрушки не приходится и говорить...»⁴

¹ *Алтай* в послевоенный период: историко-экономический очерк. Барнаул, 1974. С. 26

² *Там же*. С. 27.

³ *История Сибири*. Л., 1969. Т. 5: Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. С. 176.

⁴ *Яров В. В.* В стороне от запросов потребителя // *Алтайская правда*. 1945. 11 июля.

Закон о пятилетнем плане на 1946–1950 гг. под влиянием внешнеполитического фактора – возможности перехода начавшегося «холодного» противостояния социалистической и капиталистической систем в «горячую» фазу – закрепил доминирующую роль тяжёлой промышленности в экономике страны и края. Соответственно уменьшились возможности развития отраслей государственной промышленности, ориентированных на удовлетворение повседневного потребительского спроса населения. Не могла удовлетворить этот спрос и система промысловой кооперации, которой переход к хозяйствованию в условиях мирного времени дался нелегко. В 1945 г. промкооперация края выпустила товаров широкого потребления на 591,0 тыс. руб. меньше, чем в 1944 г., из 21 отрасли промышленности план был выполнен лишь по четырем. План по валовой продукции 1945 г. был выполнен лишь на 86 %, а по товарам широкого потребления – на 80,4 %. Производственная программа 1946 г. по валовой продукции была выполнена на 90,8 %, и по выпуску изделий широкого потребления – на 85,4 %. Товаров широкого потребления в 1946 г. было выпущено меньше, чем в 1945 г., даже в денежном выражении на 9 182 тыс. руб.¹

Промысловая кооперация сталкивались с такими проблемами, как отсутствие грамотных руководящих и инженерно-технических кадров, перебои в снабжении сырьём, топливом, энергией, расходными материалами и запасными частями, износ оборудования, отсутствие транспорта, тяжёлое финансовое положение отдельных артелей и промсоюзов. Осложняла ситуацию позиция местных властей, рассматривавших промартели как резерв рабочей силы и транспорта для использования в авральных ситуациях: уборка урожая, подготовка объектов социально-бытового и культурного назначения к зиме и т. п.²

Одной из причин неэффективной работы промкооперации было неудовлетворительное состояние трудовой дисциплины, в особенности в сельской местности. Благодаря массовым невыходам на работу лесопромысловые союзы хронически не выполняли план, несмотря на наличие, казалось бы, важнейшего фактора производства – сырья, древесины. Так, Барнаульский лесопромсоюз за 1945 г. выполнил план лишь на 77 %. Не был

¹ ЦХАФ АК. Ф. Р-880. Оп. 1. Д. 22. Л. 1, 61; Д. 23, Л. 38.

² Там же. Д. 24. Л. 182; Д. 40. Л. 4 – 4 об., 7 – 7 об.; Д. 26. Л. 15.

выполнен план по колесной мази, телегам, саням, заготовке и вывозке деловой древесины¹. Процитируем доклад начальника УПК при крайисполкоме С. Г. Есина на совещании председателей промсоюзов, промартелей и промколхозов 23 января 1947 г.:

«Из участвующих в производстве тоже какая-то часть работает без напряжения, на производстве отбывает видимость, что он работает, но работает так, чтобы сохранить силы для работы на дому. На производстве дремлет, делает брак. На дому бодрствует, выполняя частные заказы. Делается это под видом трудностей с хлебом ввиду отсутствия пайков...»².

Заработная плата пайщиков промартелей значительно уступала уровню заработной платы рабочих предприятий государственной промышленности. По остаточному принципу было организовано снабжение персонала артелей промтоварами и продуктами питания, хлебом (что признаётся в приведённой выше цитате). Другими словами, труд в промысловой артели не мог удовлетворить даже самые скромные потребности членов артелей, что и было причиной низкой трудовой дисциплины.

Но членство в промысловой артели жителю села предоставляло некоторые преимущества по сравнению с членством в колхозе или ведением единоличного хозяйства. В колхозе требовалась выработка обязательного минимума трудодней. Членство в промартели не предполагало выработки обязательного минимума продукции, но позволяло иметь в пользовании приусадебный земельный участок и некоторое количество скота. В отличие от единоличного хозяйства, такой приусадебный участок избегал налогового прессы, так как облагался налогами и обязательными поставками государству по куда более скромным нормам. Этим и пользовались жители села, в особенности – в расположенных в таёжной местности артелях Леспромсоюза, куда глаз начальства заглядывал крайне редко. Здесь члены промартелей заводили участки земли, в несколько раз превышавшие определённые уставом, держали по две-три коровы и мелкий скот. На работу в артель выходил, как правило, глава семьи. А два-три взрослых, трудоспособных сына, состоя членами артели, тем не менее, основные

¹ ЦХАФ АК. Ф. Р-880. Оп. 1. Д. 23. Л. 43.

² Там же. Д. 24. Л. 37.

силы отдавали домашнему хозяйству, которое приносило таким семьям основной доход ¹.

Фактически, один человек мог быть одновременно и членом промысловой артели, и крестьянином-единоличником, изыскивая выгоду из этого двойственного положения. При случае он не брезговал выполнять на дому частные ремесленные заказы, превращаясь, таким образом, в нелегального кустаря-одиночку. Значительным был также слой домохозяек, выполнявших на дому частные заказы по пошиву и ремонту одежды, о чём на втором собрании Уполномоченных краевого совета промкооперации 7 июля 1952 г. делегат Руднев, председатель Бийского межрайонного многопромсоюза, сообщал:

«Прцветают частники, в каждом районе несколько швей работают на дому. Она жена работника райфо, работника исполкома или райкома партии...» ².

Высокое положение мужей позволяло этим нелегальным предпринимательницам избегать налогообложения. Легальные и нелегальные кустари также действовали в таких отраслях, как изготовление и ремонт обуви, простейшего хозяйственного инвентаря (мебель, посуда, инструменты). Рыночную нишу для деятельности кустарей создавало слабое развитие сферы услуг. В некоторых видах деятельности кустари не имели конкуренции: в Барнауле не было кооперативных мастерских по ремонту металлоизделий, в результате горожане для ремонта ведра, чайника, велосипеда и других изделий обращались к частникам ³.

Обращаться к частнику потребителей заставляло также чрезвычайно низкое качество выполнения работ и непопустительно длительные сроки выполнения заказов в мастерских артелей промкооперации. Например, 14 августа 1945 г. в барнаульскую артель «Алтайский скороход» обратился демобилизованный из Красной Армии лейтенант Кухтинов с просьбой пошить сапоги. Приняв кожматериал у заказчика, приемщица пообещала, что обувь будет изготовлена через неделю, в итоге сшитые лишь через месяц сапоги оказались мальми. В качестве компенсации была сшита пара сапог из материала артели, на изготовление которой также ушёл месяц. Но и эти сапоги

¹ ЦХАФ АК. Ф. Р-880. Оп. 1. Д. 23. Л. 37 об.

² Там же. Д. 96. Л. 260.

³ Там же. Д. 94. Л. 416.

оказались негодными: развалились уже при попытке примерки. Лишь 26 ноября заказчику сообщили, что ему сшили третью по счёту пару сапог, но когда Кухтинов явился за заказом, то не смог его получить из-за бюрократических проволочек, связанных с запутанностью учёта в артели ¹.

Выполнение заказов кустарями-частниками производилось быстрее, дешевле, качественнее, чем в мастерских промкооперации. Частник работал на конкретного заказчика, часто – знакомого, соседа, друга из близкого круга общения кустаря. Вступали в действие внеэкономические факторы, влияющие на выполнение заказа: честь, репутация, межличностные отношения. Если кустарь не имел необходимых расходных материалов, сырья, инструментов или квалификации, необходимых для выполнения заказа, он просто за него не брался. С другой стороны, у кустаря отсутствовала необходимость содержания управленческого и инженерно-технического аппарата, плановых служб (которые в промкооперации действовали не всегда эффективно). Нелегальная деятельность в рамках «неформальной» экономики давала возможность обойтись без выполнения налоговых обязательств перед государством, что позволяло кустарю проводить демпинговую политику по отношению к промартелям. В результате многие потребители делали свой выбор в пользу частника, оставляя промартели без работы. Даже первый секретарь Ельцовского райкома партии Астахов в 1952 г. отдал заказ на изготовление новой гимнастёрки и брюк частнику, а не промартели, мотивируя свои действия тем, что так будет быстрее, дешевле и качественнее. В июле 1950 г. на пленуме крайкома ВКП(б) цитировались подобные высказывания начальника Алейской районной структуры министерства госбезопасности Князева ².

Органы прокуратуры, призванные следить за соблюдением социалистической законности, зачастую не видели в нелегальной деятельности кустарей-частников чего-либо предосудительного. За 1949 г. финансовые органы края передали в прокуратуру 110 дел о фактах незаконной предпринимательской деятельности. Из этих дел к июлю следующего 1950 г. было рассмотрено только 28 ³. Видимо, способствовала такой «опе-

¹ Дремина Д. В «Алтайском скороходе» неблагополучно // Алтайская правда. 1945 г. 11 дек.

² ЦХАФ АК. Ф. Р-880. Оп. 1. Д. 96. Л. 261; Ф. П-1. Оп. 88. Д. 11. Л. 400.

³ Там же. Ф. П-1. Оп. 88. Д. 11. Л. 462.

ративности» прокуратуры коррупция, факты которой приводил в докладе секретарь крайкома ВКП(б) В. В. Митюшкин на пленуме в июле 1950 г.:

«Закройщик артели "Победа" Романовского района Немченко решил уйти из артели. Общее собрание отказало ему в этом. Но на защиту обнаглевшего частника встал прокурор Полушкин, понудивший артель освободить закройщика. Сейчас Немченко обслуживает на дому персону прокурора и живёт вольготно, не облагаясь налогами»¹.

Либеральное отношение отдельных представителей власти к деятельности частника, возможно, опиралось на существовавшие после войны общественные настроения². По аналогии с периодом после окончания Гражданской войны часть общества ожидала введения «нового НЭПа», включавшего в себя и реабилитацию в экономике частного сектора. И не только ожидала, но и делала шаги в этом направлении. Так, начальник Управления налогов и сборов Министерства финансов СССР Марьяхин организовал обсуждение республиканскими финансовыми органами вопроса о пересмотре перечня запрещённых частных промыслов. Предлагалось дать частникам право закупать муку, скот, мясо, молоко, масличные семена, шерсть, овчины и кожи для переработки и продажи изделий из них на рынке. Обсуждение это приняло широкий характер, более того, последовали директивы Министерства финансов СССР (приказ от 2 октября 1946 г. № 715 и параграф 84 Инструкции Министерства финансов СССР от 27 марта 1947 г. № 194), предписывающие приступить к налогообложению на общих основаниях частников, занимающихся запрещёнными промыслами. Конец надеждам на либерализацию положило постановление Совета Министров СССР № 1229 от 14 апреля 1948 г. «О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности»³.

Вскоре вышел Приказ Главного Управления по делам промышленной и потребительской кооперации при Совете Министров СССР № 93 от 17 апреля 1948 г. «О проникновении частника в промышленную кооперацию». Приказ подробно описывал фактический симбиоз между артелями промысло-

¹ ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 88. Д. 11. Л. 399–400.

² Зубкова Е. Ю. Мир мнений советского человека, 1945–1948 гг.: по материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 25–39.

³ ЦХАФ АК. Ф. Р-928. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–4.

вой кооперации и частными кустарями: случаи нелегальной сдачи в аренду частнику мастерских, столовых, чайных, буфетов, магазинов. Частник получал от подобных сделок возможность легального прикрытия коммерческой деятельности, заключения сделок с государственными и кооперативными организациями. Сумма нелегальной арендной платы, как правило, соответствовала сумме плановой прибыли, установленной для данной торговой точки, столовой, буфета. Другими словами, артель, фактически не прилагая особых усилий, добивалась выполнения плановых показателей. В документах подобный симбиоз носил название «работа под вывеской артели» и однозначно осуждался. Причинами, толкавшими руководителей промкооперации на такие противозаконные действия, назывались политическая слепота, сращивание с преступными элементами, моральное разложение¹.

На наш взгляд, более вероятными были причины объективного характера: трудность или невозможность достижения выполнения артелями плановых показателей, связанная с трудностями в обеспечении артелей сырьём, горючим, расходными материалами, тяжёлым финансовым состоянием артелей. Иногда сотрудничество с частником было для артели единственным средством выживания. Так, в 1946 г. барнаульская промартель им. Рокоссовского в результате частой смены председателей и кассиров, каждый из которых старался поживиться за счёт имущества артели, оказалась на грани разорения. Из имевшихся в начале года 53 рабочих осталось только пять и пять учеников-подростков. Программу артель выполняла на 10 %, из всех производственных участков работал лишь один – благодаря тому, что его в качестве арендной платы отапливал кустарь-одиночка, катавший в этом же цехе пимы².

В Алтайском крае были распространены следующие формы симбиоза промысловой кооперации и частника:

1. Открытие пищевкусовых цехов на дому у членов промысловых артелей. Законодательство разрешало надомную форму организации труда в промартелях. Интерес артели состоял в том, что надомник брал на себя обязательство выполнения планового задания. Выполнив же работу для артели, он приступал к производству нелегальной продукции из собственного

¹ ЦХАФ АК. Ф. Р-928. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.

² Там же. Ф. Р-880. Оп. 1. Д. 24. Л. 108.

сырья, которую сбывал по своим каналам. Подобная практика была распространена в сельских промартелях, расположенных в окрестностях Барнаула. Ей способствовали: слабость контроля со стороны руководства артелей и промсоюза в сельской местности, с другой стороны, близость городского рынка. Председатель президиума Барнаульского межрайонного многопромсоюза Буцко на собрании уполномоченных союза 16–17 марта 1948 г. осудил подобную практику, так как она давала возможность «развития нэпманов и набивать карманы за счёт артели»¹.

2. Работа «с процента», когда заработная плата мастера в парикмахерской, фотографии, часовой мастерской составляла определённый процент от валовой выручки. Так, в артели «Подъём» Павловского района фотограф получал 30 % от выручки, в артели им. Свердлова часовой мастер получал 60 % от выручки. Нередко мастера принимали частные заказы, либо не оформляли квитанции на принятые заказы и, таким образом, имели возможность присвоения полученной выручки. В барнаульской промартели «Фотообъединение» в течение нескольких послевоенных лет фотограф Го-Шан выполнял работу на дому, не приходя получаемые от клиентов деньги в кассу артели. Заведующий артелью «Алтайский скороход» Попов систематически выполнял заказы без квитанций, вырученные деньги присваивал. Здесь же, под вывеской артели, работал точильщик-частник, оказывавший услуги населению².

3. Содержание тяглового скота не в общих конюшнях, а на дворах членов артели. Так содержались, например, лошади в артели «Красная трудовая» Барнаульского межрайонного многопромсоюза, которая оказывала транспортные услуги населению. Возчики могли использовать лошадей в собственном домашнем хозяйстве и для получения дополнительных приработков. Естественно, что они были заинтересованы в хорошем уходе за лошадьми. Артель же экономила средства на содержании конюшни и персонала конюхов. Данная практика была осуждена президиумом многопромсоюза, председатель артели получил приказ перевести всех лошадей в общую конюшню³.

¹ ЦХАФ АК. Ф. Р-697. Оп. 1. Д. 61. Л. 36.

² Там же. Л. 74–74 об.

³ Там же. Л. 74 об.

Согласно данным официальной статистики, если в 1937 г. в Алтайском крае некооперированные кустари-ремесленники и крестьяне-единоличники составили 1,7 %, то в 1959 г. уже только 0,1 % населения¹. В 1950 г. в крае только 190 чел. обладали патентами на право занятия кустарными промыслами². В действительности же, как мы видим, слой частных кустарей был более многочисленным, эффективно занимая целые ниши на потребительском рынке Алтайского края, и, как показывал опыт НЭПа, при проведении более либеральной политики по отношению к нему, мог существенно снизить напряжённость на потребительском рынке. Каковы же были мотивы властей, боровшихся с частным предпринимательством?

Первое, что лежит на поверхности, – неприятие частнокапиталистического сектора по идеологическим причинам. Но то же идеологическое неприятие не стало препятствием для введения НЭПа в начале 20-х гг., когда страна находилась в гораздо более тяжёлом положении: разрушенная инфраструктура, разорённое население, незначительная роль индустриального уклада. Легализация частнокапиталистического сектора в тех условиях, пожалуй, была единственным спасением. Ситуация второй половины 40-х гг., несмотря на внешнее сходство, в корне отличалась. Теперь страна обладала мощной экономикой, основанной на крупной тяжёлой промышленности и механизированном сельском хозяйстве, доказавшей свою эффективность в экстремальных условиях Великой Отечественной войны. У советского государства не было необходимости хвататься за частного, как за спасительную соломинку. Не отрицая важности насыщения потребительского рынка товарами и услугами, зададимся вопросом: к каким социальным и экономическим последствиям привела бы либерализация частного уклада в экономике в тех условиях?

Важнейшим и наиболее ощутимым её последствием стало бы перемещение ресурсов, прежде всего инициативных, грамотных кадров, в частный сектор из жизненно важных отраслей управления, образования, науки, тяжёлой промышленности. Допустить подобное развитие событий власти страны не могли, и потому держали част-

¹ *Народное хозяйство Алтайского края за 50 лет Советской власти*: Стат. сб. Барнаул, 1967. С. 11.

² ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 88. Д. 11. Л. 400.

ный мелкотоварный уклад на коротком поводке. С другой стороны, власти понимали:

«... мерами одного только административного и финансового нажима не обойтись. Необходимо развернуть сеть предприятий бытового обслуживания, добиться максимального снижения цен, высококачественного и добросовестного обслуживания населения, чтобы этим окончательно выбить почву из-под ног у частника»¹.

Но государство не имело ресурсов для осуществления этих мер в условиях начавшейся «холодной войны». Потому и был взят курс на закручивание гаек. Невозможно было поставить фининспектора к каждой мастерской бытового обслуживания. Власти пошли на меру, которая должна была полностью устранить возможность использования кустарём-частником членства в промысловой кооперации. До начала 1950-х гг. существовал заявительный порядок создания новых промысловых артелей, при котором для создания артели требовалось минимум трое членов. Артель вступала в отраслевой или межрайонный промысловый союз и регистрировалась в городском или районном исполкоме. С 13 июля 1953 г. инициаторы создания новой артели должны были обратиться в промсоюз. Последний, если считал нужным, возбуждал ходатайство перед Советом Министров союзной республики. Учредителей должно было быть не менее девяти в сельской местности и не менее 15 в городской. Артель регистрировалась в финансовых органах только после получения положительного заключения от республиканского правительства².

Попытка таким образом победить частника оказалась безрезультатной (частный уклад в советской экономике нелегально существовал вплоть до перехода к рыночным отношениям на рубеже 1980–1990-х гг.), но ударила по промысловой кооперации. Количество вновь создаваемых артелей резко упало. У рядовых граждан стало ещё меньше легальных возможностей реализовать идущую снизу экономическую инициативу, играя по установленным государством правилам.

¹ ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 88. Д. 11. Л. 401.

² Там же. Ф. Р-880. Оп. 1. Д. 1349. Л. 175.